

Андрей МАКАРЫЧЕВ

Регионализм: проблемы и перспективы

Понятие «регионализм», к сожалению, не принадлежит к числу широко распространенных в работах советских ученых-обществоведов. Между тем вся совокупность проблем, связанных с регионализмом, давно привлекает внимание западных социологов, историков, политологов, этнографов: издаются книги, проводятся международные семинары и симпозиумы. В сентябре 1990 г. в польском городе Быдгощи состоялась конференция «Регионализм в Европе: традиция и новые тенденции», организованная местной Высшей педагогической школой при участии университета имени Н. Коперника (г. Торунь) и Европейского центра региональных и этнических исследований. Конференция собрала около 40 ученых и политических деятелей из 14 стран мира.

В настоящей статье я попытаюсь проанализировать современное состояние исследований по регионализму в Европе и дать представление о круге затрагиваемых проблем. Надеюсь, что этот анализ окажется полезен для советской научной общественности. Ведь речь идет, во-первых, о постепенном вхождении СССР в общеевропейские структуры и, во-вторых, о срочной необходимости решения целого комплекса внутренних национально-территориальных проблем в Советском Союзе. Факторы эти, как внешний, так и внутренний, не существуют в чистом виде, и любые попытки провести между ними четкий водораздел лишь подчеркнут условность подобного разграничения во взаимозависимом мире.

I

Известно, что регионализм как независимое социокультурное, интеллектуальное и политическое движение возник в Европе во второй половине XIX в. и противостоял унификации всех сфер общественной жизни, равно как и централистским тенденциям, давшим о себе знать во многих странах именно на этом этапе. По словам председателя оргкомитета быдгощской конференции доктора Я. Слугоцкого, защитники идей регионализма исходили из того, что источником развития структур местной власти должны стать имеющиеся *культурные и исторические традиции*, на базе которых возможно усиление роли периферии в политической жизни в целом. Подобное видение проблемы получило закрепление в деятельности возникшей в 1990 г. Французской федерации регионализма, первой в Европе. В таких странах, как, например, Италия или Германия,

---

Макарычев А. С. — преподаватель кафедры новой и новейшей истории Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского

идеи регионализма способствовали сохранению самобытности и специфики входящих в их состав провинций и земель; в Речи Посполитой исторически регионализм был формой проявления *национального самосознания и единства перед лицом более могущественных соседей*.

Со временем усложнялось и делалось все более насыщенным содержание концепций регионализма, которые распространили свое влияние на области литературы, искусства, на различные отрасли науки. Подобный процесс нельзя не считать закономерным. По мнению югославского профессора Р. Ризтиана (Люблинский университет), доиндустриальная и индустриальная стадии развития западной цивилизации вообще не нуждались в целостной концепции регионального деления общества, основанной на признании множественности организационно-территориальных принципов его строения. В постиндустриальном же мире регионализм сможет найти себе достойное место, так как усложнившаяся структура общества потребует не столько иерархии социальных отношений, сколько их координации. При исчезновении «классического» индустриального мира изменится и бытующий еще взгляд на демократию как на инструмент, с помощью которого большинство населения удовлетворяет экономические потребности общества и защищает интересы меньшинств (этнических, расовых, социальных и пр.). Естественно, «национальное государство» вынуждено приспособляться к такой новой реальности, и прежде всего за счет построения своей деятельности на трансклассовой основе. Очевидно тогда, что и понятие «большинство» лишится смысла: общество будет состоять из всевозможных меньшинств, вынужденных вступать друг с другом в сложные, часто противоречивые взаимоотношения. Дисперсия власти в дальнейшем должна еще больше усилить автономию многочисленных этнических, конфессиональных, культурных сообществ, существующих в каждой из стран, что создаст и новые условия для реализации идей регионализма.

Приведенная схема представляется достаточно типичной для современного состояния дискуссий по проблемам регионализма. Однако сейчас, когда интеграционный процесс в Европе при всей его сложности набирает темпы, ученые по-новому ставят вопрос: как соотносится усиление региональных аспектов общественно-политической жизни с процессами транснационализации современного мира? Где найти точки соприкосновения между интеграцией и регионализмом, как обеспечить оптимальный баланс между этими, казалось бы, противостоящими друг другу тенденциями? Проблема здесь действительно существует, и сегодня ее можно рассматривать как своеобразное преломление дилеммы традиции и современности. Еще в XVIII в. были сформулированы вопросы: должно ли новое нарождающееся общество полностью отринуть вековые традиции, а если да, то как измерить цену прогресса? Вопросы эти, естественно, не могли (да и не ставили своей целью) задержать продвижение цивилизации вперед, но помогли увидеть реальные проблемы модернизации. Чем сложнее становились общественные структуры, тем в большей степени потенциально многовариантным становилось будущее¹. Традиция фактически стала выступать как «совокупность возможных альтернатив будущего»². Вопрос о том, какие элементы традиции должны быть воспроизведены в современности, а какие отброшены, для десятков стран сегодня стоит конкретно и имеет практическое значение.

В западной политологии, в значительной части пораженной, по опреде-

¹ Проблема альтернативности в истории в последнее время активно разрабатывается крупнейшим польским историком, профессором Познаньского университета Ежи Топольским. См., например, T o p o l s k i J. Mit rewolucji w pisaniu historii. «Polityka», 1989, N. 27, s. 14.

² Tradycja i nowoczesnosc. Warszawa, Czytelnik, 1984, s. 10.

лению профессора Американского предпринимательского института Г. Виарды, «вирусом этноцентризма» (одна из его лучших книг так и называется — «Этноцентризм во внешней политике: сможем ли мы понять третий мир?»³), широкое распространение получила трактовка незападного («развивающегося») мира как политически отсталого, единственным вариантом дальнейшего развития которого может стать копирование, усвоение западных институтов и политических ценностей. Такие черты «традиционных обществ», имеющие ярко выраженную региональную окраску, как каудильизм, трайбализм, персонализм политической жизни, сильное государственное начало, объявляются враждебными современной цивилизации и обреченными на исчезновение по мере развертывания глобальных процессов модернизации. Действительно, вера в неизбежность повторения опыта развития Запада странами Азии, Африки и Латинской Америки пустила глубокие корни в политическом мышлении интеллектуальной элиты — достаточно вспомнить концепцию «конца истории» Ф. Фукуямы. Особенно это касается Соединенных Штатов, которые формировались изначально как либеральное, демократическое, республиканское государство, не имея за плечами иных вариантов общественного развития, а также опыта конструктивного взаимодействия с иными культурами и традициями. Невосприимчивость значительной части экспертов, ученых-политологов и профессиональных политиков США к различиям в политических традициях Северной и Южной Америки неоднократно приводила к неадекватной реакции (прежде всего силовой) на те проявления латиноамериканской политической традиции, которые оказывались неприемлемыми для США с точки зрения западных канонов.

Сегодня необходимо признать, во-первых, что «эффект зеркала», т. е. тотальное воспроизведение западноевропейского и североамериканского опыта в регионах с иными ценностными ориентирами и иной политической культурой, не давал и не сможет дать впредь позитивных результатов. Во-вторых, «традиционные» формы и институты политической жизни, характерные для целых регионов планеты, отнюдь не всегда тождественны стагнации или застою, более того, они показали значительный потенциал приспособляемости к интенсивно меняющемуся миру. Мы говорим о таких устойчивых особенностях политической жизни, например, той же Латинской Америки, как традиция концентрации исполнительной власти в руках политического центра при потере независимости законодательных и судебных органов, институционализация практики вмешательства центрального правительства в дела штатов (провинций), воздействие военных на политический процесс, проникновение католицизма в государственные структуры и т. д. Не идеализируя вышеперечисленные обстоятельства, хотелось бы в то же время отметить, что многие из политических принципов, действительно доказавших свою эффективность в истории Запада, могут находиться в противоречии с ситуациями, когда децентрализация («фрагментация») в той или иной стране выдвигает на повестку дня необходимость существования объединяющей власти, а не ее дробления.

Нам представляется симптоматичным, что сегодня, когда интеграционные процессы наднационального уровня, прежде всего в Европе, набрали значительный темп и начали сглаживаться казавшиеся антагонистическими противоречия послеялтинского мира, мощно проявились другие, таящие в себе не менее грозную силу обстоятельства. Цивилизация реально, осязаемо столкнулась с проблемой нежелания (либо невозможности) ряда лидеров незападного мира вписываться в создаваемую мировым со-

³ W i a r d a H. Ethnocentrism in Foreign Policy: Can We Understand the Third World? American Enterprise Institute, 1984.

обществом новую систему международных отношений XXI в. Феномен С. Хусейна является крайним, агрессивным проявлением векового наследия авторитаризма, пустившего глубокие корни в «традиционных обществах». По мере того как в глобальном масштабе утрачивает актуальность лозунг о коммунистической угрозе, именно политический экстремизм (в более широком плане — политически неприемлемые формы поведения) в незападном мире становится главной внешнеполитической мишенью США на ближайшее время. С. Хусейн, М. Каддафи, Я- Арафат, Ф. Кастро, А. Норвега — вот лишь некоторые из лидеров, чей образ действий вызывает наибольшее неприятие на Западе.

Неоднородность современной цивилизации, не исчезающая, а наоборот, проявляющая себя все больше, требует взвешенного и комплексного подхода ко всему спектру проблем, поднятых регионализмом. Соприкосновение, взаимное пересечение и дополнение глобальных процессов интеграции и дифференциации — обстоятельства, ставшие реальностью в мире на рубеже XXI века. Пионером в интеграционном процессе сегодня является Европа, и призывы президента США как своеобразный ответ Америки воплотить в жизнь к концу нынешнего столетия модель объединенного Западного полушария лишь подчеркивают данное обстоятельство. Препятствий на этом пути для США будет множество, от экономических до идеологических, однако и идея европейской интеграции нуждается в своем совершенствовании и обогащении, так как здесь есть свои весьма болезненные нерешенные проблемы. Европейизм как доктрина и историческая практика имеет античные истоки, вбирает в себя традиции христианства и различные варианты революционно-демократических и либеральных идеологических течений. При этом исторически процессы дезинтеграции (дисгармонии) явно преобладали над интеграционными, и Европа традиционно была, как известно, ареной антагонизмов и конфликтов — политических, этнических, конфессиональных. Сегодня, при строительстве «общего дома», нельзя упускать из виду, что многие регионы Европы до сих пор являются потенциальными очагами нестабильности.

II

Исторически существовали и существуют как бы два лица регионализма. С одной стороны, он имеет конструктивный культурно-просветительский и общественно-политический характер, ставя перед собой цель воспрепятствовать обезличиванию традиций и стиранию граней между различными этническими, культурными, религиозными, профессиональными сообществами. Но есть и обратная сторона этого «двуликого Януса», характеризующаяся тяготением к сепаратизму и насильственному разрушению сложившихся государственных структур, что четко просматривается в сегодняшней советской действительности.

В отечественной публицистике часто встречается упрощенная трактовка проблем, связанных с национально-территориальным устройством СССР: стоит только запустить рыночный механизм и наладить экономические отношения между регионами (областями, республиками), как тут же якобы отпадут сепаратистские настроения. Однако история знает достаточно примеров того, что рыночные отношения сами по себе не являлись универсальным средством при решении национальных проблем. Так, высочайший уровень промышленного развития Канады не избавил ее от всплесков квебекского сепаратизма, неоднократно в течение последних десятилетий ставившего под вопрос единство страны. Очевидно, что экономические успехи Соединенного Королевства не делают менее острой североирландскую проблему, так же как уверенное движение СФРЮ по пути создания устойчивого рыночного механизма не освобождает эту

страну от острейших национальных коллизий. Еще один потенциальный источник нестабильности на Европейском континенте — баскский радикальный национализм, возникший в конце XIX в. именно как реакция на быстрый процесс индустриализации и урбанизации Испании. На конференции в Быдгощи профессор А. Перес-Аготе (университет Бильбао) отмечал, что идеологи баскского националистического движения оперировали начиная с тридцатых годов нынешнего столетия не только и не столько социально-политическими лозунгами левого толка, сколько требованиями сепаратизма, ориентированными на обретение независимости и легитимирующими вооруженное насилие против центра. Опыт Испании, после долгих лет франкистской диктатуры вынужденной ускоренными темпами совершить «возврат в Европу», особенно интересен для нашей страны. После Франко перед Испанией встала, по словам Переса-Аготе, задача национализации государства, что было непременным условием обретения демократической легитимности. Речь шла фактически о создании прочной и социально приемлемой базы для политической власти в стране, которая могла бы привести Испанию к модернизации и возвращению к демократическим нормам. Эта задача была двоякой: с одной стороны, необходимо было обеспечить политический консенсус между традиционными «правыми» и «левыми» в условиях распада (в лучшем случае — резкой дифференциации) всего спектра политических сил; с другой — нужно было согласие и примирение центра с периферией, прежде всего с Каталонией и Страной Басков. Сегодня можно сказать, что эта вторая сторона оказалась не менее, а может, и более трудноразрешимой. О том, что даже в самых благополучных странах, таких как Бельгия, не сопоставимых по уровню межэтнических противоречий ни с Ливаном, ни с Югославией, сегодня существует значительная межрегиональная напряженность, напомнил профессор Амстердамского университета А. Моммен. Прежнее унитарное, централизованное, «якобинское» государство дезинтегрируется под воздействием националистических движений во Фландрии и Валлонии. И хотя в выступлении прозвучало сравнение нынешней ситуации в Бельгии с «позиционной войной», наверное, правильнее было бы говорить о нарождающемся новом понимании федеративного устройства этой страны, о выработке институтов качественно нового интеграционного механизма, способного обеспечить максимальную степень гармонии между Фландрией, Валлонией и Брюсселем как политическим центром в условиях объединяющейся Европы.

Что касается Восточной Европы, то ликвидация «железного занавеса» высветила и даже наполнила иными красками различия между Западом и Востоком континента. Именно так называемые «посткоммунистические» страны сегодня являются хорошей ареной для проявления национализма и воскрешения региональных амбиций. Многие политологи (в частности А. Мигранян) не без оснований считают, что в странах бывшего «восточного блока», а также в провозгласивших суверенитет Советских республиках имеется потенциальная питательная среда для распространения авторитаризма, окрашенного в националистические тона. Это лишь подчеркивает, что «прощание с национальным государством», о котором так много говорят на Западе, может еще надолго затянуться.

Отношения СССР со своими непосредственными соседями на западных границах сейчас переживают, очевидно, не лучший этап. Еще только предстоит установление оптимального баланса интересов, обкатка новых, лишенных идеологических псевдоприоритетов форм взаимодействия. Одной из главных причин дезинтеграции некогда монолитного «восточного блока» была принципиально отличная от Западной Европы структура контактов внутри СЭВ, основанная на создании у западных рубежей СССР совокупности стран, обладающих несопоставимо меньшим экономическим

потенциалом и, следовательно, вынужденных вращаться в орбите своего «старшего партнера». Интенсивность происходящих в Восточной Европе изменений поразила многих, но в мировой практике подобного рода «выходы спутников из орбиты» с геополитической точки зрения не столь уж уникальны. Любое сравнение хромает, но Соединенные Штаты в Латинской Америке гораздо раньше, чем СССР в Восточной Европе, столкнулись с той же, по сути, проблемой потери гегемонии «сверхдержавы» в регионе своего некогда исключительного влияния. Батиста, Сомоса, Дювалье, Пиночет, Стресснер — США теряли бывших друзей так же, как наши «верхи» теряли одного за другим Живкова, Хонеккера, Чаушеску. У нас этот процесс произошел стремительно, Америка же имела возможность годами и даже десятилетиями совершенствовать свою геостратегию: экспериментировать, выбирать, моделировать варианты. Впрочем, были периоды, когда и у американцев почва уходила из-под ног, как это случилось на рубеже 70—80-х годов. Вспомним: сначала на Гренаде и в Никарагуа, затем и в Иране к власти пришли антиамериканские радикальные силы. Если добавить к этому ухудшение отношений Турции с НАТО из-за американского эмбарго на оружие, оппозицию Сирии и Ирака кэмп-дэвидским соглашениям, укрепление позиций революционных фракций в правительствах Народного Йемена и Эфиопии, то картина будет еще более полной.

Как же Соединенные Штаты действовали в неблагоприятных для себя ситуациях, когда под вопрос ставились их престиж и способность играть активную роль в международных делах? Как они перестраивались, отвечая на вызовы «младших партнеров?» И в 60—70-х годах, когда прошла первую обкатку концепция взаимозависимого мира, и позднее концептуальные построения и практические действия лидеров США основывались на примате тщательно выверенных национальных интересов своей страны. Если обобщить имеющийся опыт, то во всех действиях США прослеживался единый по сути методологический подход: необходимо всячески, в том числе и насильно, способствовать укоренению в Западной полушарии западных норм политической жизни, ценностей и ориентиров. В этом подходе заложено вплоть до сегодняшнего дня основное противоречие латиноамериканской политики Соединенных Штатов, в нем — и сила, и слабость Америки как великой державы.

Советскому Союзу нет необходимости ни повторять прошлых чужих ошибок ни совершать новых. На повестке дня 90-х годов — выработка устойчивого и вместе с тем гибкого механизма внешнеполитических и экономических контактов со странами, входившими ранее в состав социалистического содружества. Эта задача встречает понимание и у наших соседей которых процессы, происходящие в СССР, затрагивают в наибольшей степени. Не случайно столь болезненную реакцию в Польше, ЧСФР, Болгарии вызвали осенью 1990 г. сообщения о возможности уменьшения советских поставок нефти и газа. Это обстоятельство в числе прочих заставило польское руководство первым в Восточной Европе в сентябре 1990 г. объявить о начале новой «восточной политики».

С чем и в качестве кого идет Россия в Европу? Сегодня сильная демократическая Россия многими рассматривается как фактор, способный укрепить стабильность на всем континенте. Отсюда главное, на мой взгляд, противоречие нынешней политики как западно-, так и восточноевропейских стран по отношению к СССР: с одной стороны, все они в той или иной форме поддерживают борьбу Советских республик за суверенитет, а с другой — вынуждены ориентироваться в конкретных внешнеполитических акциях на центральное союзное правительство, будучи заинтересованными в выполнении им ранее заключенных контрактов и в соблюдении имеющихся договоренностей. Еще предстоит найти точку равновесия этих двух тенденций.

При закладке фундамента общеевропейского дома нельзя забывать, что исторически у России (в отличие, кстати, от многих западноевропейских стран) был богатейший опыт тесных контактов со странами, чьи политические традиции были и остаются до сего дня чуждыми западным меркам и канонам. Учитывая реальную возможность превращения прилегающих к южным границам СССР территорий в «дугу нестабильности» (региональные конфликты на Ближнем и Среднем Востоке, в Юго-Восточной Азии), роль России как потенциального миротворца, гарантирующего от выхода ситуации из-под контроля, может быть очень высока. Именно поэтому Запад выступает за дезинтеграцию тоталитарной системы, но отнюдь не России как крупнейшей Советской республики. Более того, многие страны Запада готовы даже заплатить в полном смысле этого слова за стабилизацию положения и в России, и в провозгласивших суверенитет республиках. Это и понятно: иметь на Востоке Европы источник перманентной напряженности не только невыгодно экономически, но и опасно в военно-политическом плане. В условиях превращения Западной Европы в единую конфедерацию распад СССР на 15 или больше самостоятельных государств со своими границами, таможенными барьерами, валютой, вооруженными силами внес бы ошутимый диссонанс в начавшую обретать реальные очертания мозаику общеевропейской интеграции. Отсюда достаточно сдержанная и часто даже нарочито неопределенная реакция Западной Европы и США на проблемы будущего регионального переустройства Советского государства.

III

Сопоставима ли идея регионализма как такового с процессом общеевропейской интеграции, не является ли эта первая анахронизмом? Нет, не является, и вот почему: дифференциация современного мира, его неоднородность, ставшая предметом пристального изучения и поощрения со стороны регионализма, отнюдь не противоречит общеевропейскому процессу, она *не тождественна дезинтеграции*, а при цивилизованном подходе способна обогатить саму концепцию общеевропейского дома. Существует диалектическая взаимосвязь между федерализмом внутри той или иной страны и федерализмом наднационального уровня, к которому движется Европа: и в том и в другом случае проблема состоит в установлении баланса между политическим центром и периферией, между властью государства (государств) и правами граждан, между национальными и государственными интересами. Интеграция Европы предполагает создание *сообщества интересов*, но совсем не обязательно *сообщества ценностей*: слишком различны и несводимы к единому знаменателю культурные и исторические традиции европейских народов, чтобы всерьез говорить о возможностях их унификации даже в отдаленном будущем. Стоящую перед Европой задачу можно сформулировать как необходимость добиться *сосуществования* наднациональных интересов, вызванных к жизни интеграционными процессами, и интересов региональных (государственных, национальных), которые традиционно выступали как проявление диффе-

⁴ В западной политологии существует еще термин «интегральный федерализм», уходящий своими корнями к концепции общественного устройства П.-Ж. Прудона и развитый в работах А. Дандье, Р. Арона и А. Марка. Так называемый интегральный федерализм воплощает в себе совокупность организационно-структурных принципов, направленных на рационализирование распределения компетенций политической власти и производственных ресурсов среди различных групп внутри существующих обществ. Он ставит своей целью противостояние растущей концентрации власти в руках политической и технократической элит и таким образом способствует решению, помимо прочего, и региональных противоречий. См., например, R o e m h e l d L. Integral Federalism. Model for Europe — a Way Towards a Personal Group Society. Frankfurt / M.-Bern-New York-Paris, 1990.

ренцированности картины европейского развития. Естественно, хотелось бы, чтобы разрыв между системой общих интересов и системами ценностей европейцев сводился к минимуму, однако полное его исчезновение вряд ли достижимо.

Сегодня реальность такова, что европейская идея должна стать постоянно открытой перед разнообразием всего того политического наследия, которое досталось различным странам. Наши народы, равно как и восточные или западные европейцы, связаны общностью истории, тесно переплелись их судьбы и сегодня. Взять, например, словаков: помимо своей этнической родины, крупные словацкие общины существуют сегодня в Чехии, Венгрии, Югославии, Румынии, Польше, а также в США и Канаде. Учитывая сложность этнической картины в Европе, переплетенность судеб многочисленных народов и этнических групп, большое значение для развития идей регионализма имеет широкое использование данных таких отраслей знания, как генеалогия, помогающая людям, живущим вне Родины, проследить свое региональное и этническое происхождение и сохранить из поколения в поколение историческую память. Достойный пример бережного и внимательного отношения к своим соотечественникам, оказавшимся добровольно либо насильно расселенными по миру, демонстрируют поляки: сотни тысяч эмигрантов, составляющих так называемую Полонию, не прерывают в течение ряда поколений контактов со своей Родиной. Известно, например, что в одних только Соединенных Штатах действует более десятка польских генеалогических обществ, занимающихся нахождением корней польской диаспоры в Северной Америке, Австралии, Германии, СССР, Израиле, странах Латинской Америки. Генеалогические изыскания, проводимые в рамках регионализма, способствуют тому, чтобы эмигрантские общины, существующие во всех европейских странах, не растворились в мире с усложняющейся картиной этнических, национальных, расовых отношений, а смогли сохранить идентичность своей культуре и истории. Существуют разделенные народы, но история неделима, преемственность всех ее составляющих — критерий цивилизованности любого общества. Нельзя не признать благородной ту из задач регионализма, которая состоит в сохранении и тщательном сбережении исторической памяти народов, а через нее — в выявлении закономерностей самых трагических страниц истории. Один из примеров, звучащих злободневно сегодня, — массовые депортации польского населения после 17 сентября 1939 г., когда тысячи поляков, проживающих на восточных землях довоенной Речи Посполитой, насильно оказались перемещены в глубь территории Советского Союза. Разве не абсурдно было требовать разрыва этой части советской Полонии с наследием своей нации, Расчленения памяти этноса на ту, которую «следует уничтожить», и ту, которую «можно оставить»?!

Феномен регионализма не представляет сегодня единой дисциплины, скорее это органическая концептуальная система, требующая межпредметного подхода для решения проблем, связанных с практическим использованием во всех сферах человеческой жизни (политике, экономике, культуре и т. д.) тех возможностей, которые вытекают из естественного регионального деления современных обществ. Ведь в большинстве случаев наиболее эффективные пути и варианты прогресса общества находятся внутри него а все привнесенное извне, тем более навязанное вопреки историческим и геополитическим условиям и традициям, отбрасывает его назад.

Уже не в первый раз зарубежные политологи, социологи, историки

опережают советских ученых и в постановке крупных вопросов, и в их тщательном исследовании. Это тем более ощутимо, что подавляющее большинство проблем европейского регионализма так или иначе имеет отношение к процессам, происходящим в нашей стране. В этом ряду — и создание устойчивых межрегиональных экономических связей, и выработка механизмов независимого от центра процесса принятия решений на республиканском уровне, и достижение максимальной сбалансированности между интересами того или иного региона и государства в целом, и амортизация внутренних центробежных тенденций. Извлекая уроки из прошлого цивилизации, сегодня мы все яснее видим необходимость эволюционного, преемственного, ненасильственного развития разнородного человечества, необходимость координации всех его составляющих: стран, народов, регионов. Задача ученых — осмыслить перспективы процессов и выявить то, что им угрожает.

© А. Макарычев, 1991